

**Мальта.
Начало конца
«холодной войны»**

В июле 1989 года Ахромеев, вернувшись из США, передал мне письмо Буша, в котором предлагалось провести в декабре 1989 года предварительную ознакомительную встречу. Предложение было сугубо конфиденциальным.

Как мне стало потом известно, с ним были ознакомлены лишь самые близкие сотрудники Президента США.

Я ответил согласием, и мы начали интенсивную подготовку. Как сейчас уже хорошо известно, не менее интенсивно готовились и американцы.

Сроки намеченной встречи неуклонно приближались. Была окончательно определена протокольная сторона дела. К рейду порта Валлетты должны были подойти советский крейсер «Слава» и американский «Белкнап». Переговоры предполагалось проводить поочередно на советском и американском военных кораблях. Кроме того, в порт Валлетта мы направили экскурсионный теплоход «Максим Горький», который должен был стать нашей гостиницей.

Встреча на Мальте по многим причинам являлась символической. Она — первая после смены администрации США. Место встречи — на стыке трех континентов, перекрестке мировых дорог, пересечении многообразных интересов. Переговоры — на военных кораблях, что указывало на мощь, стоящую за руководителями СССР и США. Все говорило о вступлении мира в новую эпоху.

Нас ждала в высшей степени ответственная работа. На это были настроены я и мои коллеги, хотя сохранялась надежда выкроить время и для знакомства с этой экзотической страной.

Вечером 2 декабря, после завершения визита в Италию, мы прибыли в Валлетту. Сначала все шло, как и предполагалось. Встреча с Президентом Мальты Ч. Табоно, премьер-министром Э. Фенек Адами, членами мальтийского правительства. Короткие, но очень дружественные контакты с массой людей, которые приветствовали нас на улицах и у президентского дворца.

Однако на другой день природа внесла существенные коррективы в наш протокол. На море разгулялся шторм. Добраться на катерах к находившемуся на рейде крейсеру «Слава», где должны были начаться переговоры, оказалось непросто. Как наши, так и американские моряки решительно выступили против такого «десанта». Была выдвинута идея организовать первую встречу на борту «Максима Горького», пришвартованного в бухте у причала. Задержка с началом встречи оказалась минимальной.

Первый день переговоров прошел несколько этапов: беседа с президентом Бушем с глазу на глаз; обмен мнениями между Шеварднадзе и Бейкером; беседа за завтраком; переговоры в расширенном составе

при участии Шеварднадзе, Яковлева, Бессмертных, Черняева, Добрынина, Ахромеева — с советской стороны, и Бейкера, Сунуну, Блэкуилла, Росса, Грэйвса — с американской. Предполагавшуюся вечернюю встречу из-за усилившегося шторма пришлось отменить.

Буш выразил желание первым изложить свои соображения. Для меня было крайне важно услышать непосредственно от американского президента, к каким выводам пришла его администрация в определении своей линии по отношению к Советскому Союзу. Поэтому я был предельно внимателен, как бы «пробуя на зуб» каждую фразу, каждую формулировку нового Президента США.

— Я, — заявил Буш, — полностью согласен с тем, что было сказано вами в Нью-Йорке: мир станет лучше, если перестройка увенчается успехом. Еще некоторое время назад в США было много сомневающихся на этот счет. Не буду утверждать, что таких элементов не осталось. Но можно со всей определенностью сказать, что серьезные, думающие люди подобных взглядов не поддерживают. Это в полной мере относится к тем, с кем вы имеете дело: к администрации США и конгрессу, которые хотят, чтобы ваши преобразования увенчались успехом.

Затем Буш изложил свое представление о тех позитивных шагах, которые, по его мнению, могли бы способствовать подготовке официальной встречи на высшем уровне в США. Для начала следует уточнить возможные сроки. Американская сторона предлагает, чтобы визит состоялся в последних числах июня следующего года.

Администрация намерена предпринять шаги, направленные на приостановку действия поправки Джексона—Вэника, которая препятствует предоставлению Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования. С учетом намечающихся в СССР перемен можно приступить к консультациям о заключении нового торгового договора, чтобы подготовить его текст еще до предстоящей встречи в верхах. Одновременно администрация взяла курс на отмену поправок Стивенсона и Бэрда, ограничивавших возможность предоставления кредитов советской стороне.

Те меры в области советско-американских отношений, которые предлагают США, счел необходимым подчеркнуть Буш, отнюдь не направлены на то, чтобы продемонстрировать американское превосходство.

— Мы, в США, разумеется, глубоко убеждены в преимуществах нашего способа хозяйствования. Но сейчас вопрос не об этом. Мы стремимся составить наши предложения таким образом, чтобы не создавалось впечатления, будто Америка «спасает» Советский Союз. Говорим не о программе помощи, а о программе сотрудничества.

Затронув в этой связи вопрос об отношениях СССР и ГАТТ, Буш, в частности, сказал:

— Раньше мы были против вступления вашей страны в данную международную организацию. Теперь позиция пересмотрена. Мы — за предоставление советской стороне статуса наблюдателя. Однако надо дать членам этой организации некоторое время.

Сейчас уже создана и функционирует советско-американская рабочая группа по проблемам инвестиций. Это хорошо. Быть может, настало время приступить к изучению возможностей по выработке договоренности о гарантиях капиталовложений.

Значительное место в заявлении Буша заняла проблема разоружения. Президент изложил, в частности, несколько модифицированную позицию по вопросу химического оружия. Если советская сторона даст принципиальное согласие на предложение США, изложенное в речи Буша на Генеральной Ассамблее в сентябре 1989 года, то США могли бы пойти на отказ от своей программы модернизации, то есть дальнейшего производства бинарных средств поражения после вступления в силу всеобъемлющей конвенции о запрещении химического оружия. Практически это означало, что уже в ближайшее время стороны могли договориться о значительном сокращении запасов химического оружия, доведя его количество до 20 процентов от имеющегося у США в настоящее время и до 2 процентов через 8 лет после вступления конвенции в силу. Если постараться, то к середине будущего года можно подготовить для подписания проект соответствующего соглашения.

Говоря об обычных вооружениях, Буш сформулировал следующую цель: ориентироваться на подписание соглашения о радикальных сокращениях обычных вооруженных сил в Европе в 1990 году в ходе встречи на высшем уровне представителей стран—участниц переговоров в Вене.

Обратившись к теме будущего договора о сокращении СНВ, президент высказал надежду, что министры иностранных дел в ближайшее время поищут решение таких вопросов, как порядок засчета крылатых ракет воздушного базирования большой дальности, шифрование телеметрии, ограничение на неразвернутые ракеты и т.д. Соединенные Штаты, добавил он, приветствовали бы присоединение Советского Союза к режиму ограничений на распространение ракет и ракетной технологии, который уже практикуется семью западными государствами. Был поставлен также вопрос о возможности опубликования Советским Союзом данных о своем военном бюджете.

Отвечая Бушу, я высказал прежде всего несколько замечаний общего порядка.

Перейдя к конкретным вопросам, поставленным Бушем, я положительно оценил его предложения, касающиеся двусторонних экономических связей, и выразил надежду, что президент проявит в этом деле

политическую волю. Нужен сигнал с его стороны. Американские бизнесмены — народ дисциплинированный и на проявления нового мышления в экономической сфере отреагируют.

Естественно, большое место на мальтийской встрече заняли проблемы разоружения.

Я поддержал предложение Буша о заключении соглашения по обычным вооружениям в Европе еще в 1990 году. В отношении стратегических вооружений констатировал наличие предпосылок к тому, чтобы к встрече на высшем уровне в Вашингтоне в 1990 году подготовить проект договора. Однако обратил внимание Буша на то, что он в своем вступительном слове полностью обошел проблему крылатых ракет морского базирования, где США имели серьезное преимущество. Наш Верховный Совет, заявил я, не ратифицирует договор, если в вопросе о КРМБ не будет приемлемого сдвига.

Американцы с обостренным вниманием следили за нашей позицией в отношении Центральной Америки. Эту тему Буш выделил в особый разговор со мной один на один. Собственно, с этой получасовой беседы в отдельной каюте и началась «встреча на Мальте». Буш, ссылаясь на просьбы латиноамериканских политиков, настойчиво предлагал оказать воздействие на Фиделя Кастро, чтобы тот прекратил поставки оружия в «государства, где демократическая система правления и без того является весьма хрупкой». В качестве «гигантской колючки» в советско-американских отношениях он назвал также ситуацию в Никарагуа и Сальвадоре, опять же сведя проблему к поставкам оружия.

Отвечая президенту, я подчеркнул, что у нас нет никаких особых целей в Центральной Америке. Мы не хотим завладеть здесь плацдармами или опорными пунктами. Реакция Соединенных Штатов на события в этом регионе наводит на мысль, что кто-то снабжает американское руководство тенденциозной информацией. Мы договорились не поставлять оружия в Никарагуа и не поставляем. В свою очередь, отметили, что и конгресс США приостановил военную помощь «контрас».

Что касается Кубы, то наиболее простой и испытанный способ прояснить ситуацию, подчеркнул я, напрямую поговорить с Кастро. Командовать им никто не может. Во время моего визита на Кубу, в разговоре один на один, Фидель попросил содействия в деле нормализации отношений с США. Недавно Советский Союз посетил начальник Генерального штаба вооруженных сил Кубы. В беседе с министром обороны СССР, а также с маршалом Ахромеевым он в доверительном порядке повторил эту просьбу. Если будет такое желание, мы могли бы помочь в завязывании диалога.

Должен признать, что ответная реакция Буша на это предложение была весьма жесткой. Он откровенно дал понять, что США не готовы

в этом вопросе ни на какие компромиссы, стал настойчиво рекомендовать нам свернуть экономические отношения с Кубой, высказав при этом удивление — почему это еще не сделано, хотя кубинцы открыто осуждают нашу перестройку.

В этой связи мне пришлось напомнить, что Куба — независимая страна со своим правительством, своим пониманием вещей, своими амбициями. Наши экономические отношения с ней мы в последнее время постепенно переводим на основу взаимной выгоды. Но учесть ее не собираемся.

Затронул я также и более широкий вопрос — об отношении Соединенных Штатов к таким странам, как Панама, Колумбия, а в самое последнее время — Филиппины. В Советском Союзе спрашивают: разве для США, их президента не является барьером то, что речь идет о независимых странах? Почему в Вашингтоне вершат суд, выносят приговор и сами его выполняют? Не приходит ли на смену «доктрине Брежнев» «доктрина Буша»?

Отвечая на возражение президента и стремясь сделать свою позицию предельно ясной, я привел следующий пример. Посмотрите: в Европе происходят перемены, смещаются правительства, которые тоже были избраны на законных основаниях. Возникает вопрос: а если в этой борьбе за власть кто-то попросит Советский Союз вмешаться? Как нам в этом случае действовать? Так же, как действует президент Буш?

Разумеется, мой собеседник не согласился со мной. Тем не менее он признал, что кое у кого в Советском Союзе может возникнуть и такая реакция.

Другой темой наших доверительных разговоров стала ситуация в Восточной Европе. Я высказал беспокойство тем, что слишком много суеты в связи с событиями в Германии. Объединение — дело очень серьезное, требует внимательного подхода. Пусть идет процесс, но не надо его искусственно подталкивать.

Буш заявил, что он не намерен лично штурмовать германо-германскую границу, «прыгать на стену», как шутливо выразился он. Выдержав этот тон, я тут же согласился, что «да, прыгать на стену — не занятие для президента».

Вопреки прогнозам во вторую ночь шторм разбушевался еще сильнее. Утром выяснилось, что обстановка на море не благоприятна для перемещения делегаций с одного военного корабля на другой. Оставался один выход — вновь встречаться на борту нашего теплохода. Здесь, в помещении библиотеки, и состоялся заключительный раунд переговоров — сначала в расширенном составе, а затем с глазу на глаз.

В связи с тем, что во время первого раунда я лишь коротко отреагировал на высказанные Бушем соображения по военно-политическим

вопросам, мне показалось целесообразным обозначить принципиальные моменты.

— Во-первых, — сказал я, — США должны исходить из того, что СССР ни при каких обстоятельствах не начнет войны с Соединенными Штатами и, более того, готов не считать их своим противником. Во-вторых, мы за то, чтобы совместными усилиями обеспечить взаимную безопасность, намерены продолжить процесс разоружения по всем направлениям и сделать все необходимое, чтобы предотвратить создание новых, экзотических видов вооружений. В-третьих, мы приняли оборонительную доктрину, наши вооруженные силы уже охвачены глубокими переменами: меняется структура военной группировки в Центральной Европе, в дивизиях сейчас меньше танков, выводятся десантно-переправочные средства, ударная авиация перемещается во второй эшелон и т.д.

Но у нас возникают вопросы. Почему США продолжают руководствоваться принятой более 20 лет назад стратегией «гибкого реагирования»? Почему до сих пор вне переговоров остается один из трех основных компонентов их военной мощи — военно-морские силы?

В этой связи мною было выдвинуто дополнительное предложение. У ВМС СССР и США есть ядерное оружие как стратегическое — БРПЛ и КРМБ, так и тактическое — крылатые ракеты меньшей дальности, ядерные торпеды, мины. Стратегический ядерный компонент ВМС является предметом женевских переговоров. Остается тактическое ядерное оружие. Мы готовы договориться о его полной ликвидации. Такое радикальное решение сразу упростило бы и процедуру контроля.

На переговорах в Вене остаются три важные проблемы. Первая — сокращение не только вооружений, но и личного состава вооруженных сил. Предлагаем уменьшить его до одного миллиона трехсот тысяч человек с каждой стороны, то есть по миллиону с обеих сторон. Вторая проблема — сокращение численности войск на иностранных территориях. Предлагаем ограничить ее потолком в 300 тысяч человек. Нам говорят о готовности сократить лишь советские и американские войска. А ведь есть еще английские, французские, бельгийские, голландские, канадские. Третья проблема — размеры военно-воздушных сил. Мы предложили для каждого союза уровень в 4700 самолетов тактической фронтовой авиации и отдельный уровень для самолетов-перехватчиков. Но пока и здесь дела идут медленно. Кстати, подчеркнул я, мы поддерживаем предложение президента Буша по «открытому небу», в нем есть смысл.

Шеварднадзе напомнил о вчерашнем интересном предложении Буша по химическому оружию. Я подтвердил положительное к нему отношение.

Затем мы вновь обратились к европейским делам.

Не повторяя сказанного ранее, я сделал упор на некоторые фундаментальные проблемы: перемены, происходящие в Европе, имеют глубокий характер. В дни, когда происходят такие динамичные изменения, следует действовать особенно взвешенно и ответственно, на основе консенсуса. Эту точку зрения поддерживают практически все европейские деятели.

В чем практическое содержание такого подхода? Прежде всего надо вести дело к продолжению и развитию хельсинкского процесса. Отсюда потребность в Хельсинки-2, где мы должны осмыслить новую ситуацию, выработать совместные критерии и ориентиры.

Другой важный вопрос — как в новой ситуации поступать с межгосударственными образованиями, созданными в другое время. Тут также требуется взвешенный и ответственный подход. Реально существующие инструменты поддержания баланса надо не сокращать, а видоизменять в соответствии с требованиями времени. Политические, экономические и военные союзы, созданные на востоке и западе Европы, должны не конкурировать, а сотрудничать.

Варианты европейской интеграции, продолжал я, могут быть самыми различными, в том числе неизведанными. И это будет происходить неизбежно. Мы судим об этом хотя бы по Советскому Союзу. Было бы опасно не использовать открывающиеся исторические возможности для сближения Востока и Запада. И хотелось бы, чтобы дальнейший ход событий не ослабил возникшего взаимопонимания.

Здесь у меня с Бушем возникла небольшая дискуссия по поводу понимания «западных» и общечеловеческих демократических ценностей. Я еще раз подчеркнул, что новое политическое мышление, которое мы отстаиваем, предполагает право каждой страны на свободный выбор без вмешательства извне. Надо уметь учиться, в том числе на чужом опыте, но брать из него только то, что тебе органически подходит. Буш в основном согласился со мной.

Детально обсудили мы в тот день и положение на Ближнем Востоке. Буш рассказал, как Соединенные Штаты стараются свести Израиль и палестинцев для серьезного диалога. В свою очередь, я подтвердил, что мы готовы внести свой конструктивный вклад в это дело. Нет никаких принципиальных препятствий и для установления с Израилем дипломатических отношений. Мы договорились об обмене консульствами. Как только завяжутся мирные переговоры на Ближнем Востоке, восстановим и дипломатические отношения с Тель-Авивом.

Буш обратил мое внимание на то, что политика США на Ближнем Востоке развернулась в сторону взаимодействия с Советским Союзом. Шеварднадзе, не удержавшись, прокомментировал это заявление: «Правда, консультируетесь вы с нами в последнее время уже после

принятия планов и решений. А ведь взаимодействие вроде бы предполагает заблаговременное обсуждение».

Завершающим аккордом переговоров этого дня стал вопрос об Афганистане. Шеварднадзе сделал краткий обзор текущей ситуации, назвал возможные направления практического перехода к решению конфликта: созыв международной конференции с целью создания временного коалиционного правительства и организации свободных выборов, привлечение ООН к организации такой конференции, стимулирование межафганского диалога, взаимное прекращение поставок оружия.

Буш и Бейкер делали главный упор на то, что для афганской оппозиции неприемлема фигура Наджибуллы. Вместе с тем к концу беседы Бейкер все же упомянул, что согласно поступившей к нему информации афганская оппозиция вроде бы готова начать переговоры о переходном периоде за одним столом с Наджибуллой — но только при том условии, что в конце этого периода он уйдет и будет сформировано новое правительство.

Мне показалось, что высказанную идею стоило бы обсудить. В конце концов, состав предполагаемого правительства — дело самих афганцев. Пусть они его и решают. Договорились продолжить разговор на эту тему.

Стержнем беседы с глазу на глаз, состоявшейся после этих переговоров, была ситуация в Прибалтике. Буш изложил известную позицию США, не преминув при этом сказать, что общественное мнение Америки весьма чувствительно к событиям в Прибалтийских республиках. Я разъяснил президенту специфику ситуации, возникшей в Советском Союзе.

На Мальте был создан еще один прецедент — впервые за всю историю встреч руководителей СССР и США состоялась совместная пресс-конференция прямо на палубе теплохода «Максим Горький». Общий итог — отношения вышли на новый уровень.